

Петр Казарновский
Нет дыма без огня

DOI: 10.53953/08696365_2022_173_1_297

Ванталов Б., Konstrictor В. Петарды

СПб.: Дым отечества, 2021. — 44 с.

Недавно я получил в подарок на день рождения книгу «Петарды». Ее авторы — Борис Ванталов (стихи) и Б. Констриктор (оформление и рисунки). Книга выполнена вручную: тексты и особый визуальный ряд — все выполнено от руки. От одной руки? — Да, принадлежащей одному человеку, Борису Михайловичу Аксельроду, который не только вмещает в себя особый дар поэта и художника, но и тщательно дифференцирует эти ипостаси между двумя персонажами — Ванталовым и Констриктором. Из рук Аксельрода я получил подарок — от Ванталова и Констриктора. Из рук в руки. Но получившего такой подарок рано или поздно накроет по меньшей мере недоумение: принявших эту книгу рук было и остается две, тогда как сколько было рук дарящих?

В этой неразрешимой связи все-таки следует разобраться. Аксельрод когда-то сделался хозяином, обладателем, держателем двух эфемерных, почти несуществующих, фигур. Но именно за счет этих фигур он оказался способен свидетельствовать не только о себе, но и о том, что не связано ни с ним, ни с теми, кого можно называть данниками или невольниками. Свидетельствовать — и не нести за это ответственности. Но и без них живой Аксельрод приговорил бы себя к немоте и отсутствию форм, так как именно благодаря своим не извлекаемым из него слугам он получает дар слова и дар изображения. Но, как того требует классическая форма рабовладения, необходимы сатурналии, когда слуга получает власть над господином, и наемники Аксельрода выказывают весьма безжалостное отношение к своему хозяину, выставляя его в нелепом, неприглядном виде. В книге это выглядит так (заметим, имя хозяина, представленного героем, подается со строчной буквы):

...Неумолимо царь-живот
сожрет личинку аксельрода.

Курсируя внутри кишок
и превращаясь в удобренье,
он будет сочинять стишок
про восхищенье¹.

1 Все стихи, кроме особо оговоренных в примечаниях случаев, цитируются по авторскому рукописному (само-)изданию с указанием страницы-разворота в скобках после цитаты (пагинацией отмечены именно развороты). В данном случае цитируется стихотворение со с. 18.

Стоит обратить внимание на злорадное чувство, транслируемое Ванталовым по поводу его поводыря, которому приписываются профессиональные навыки самого поэта. Но эти две неотвязные тени — поэт и художник — находят оправдание такому поведению в философии, выработавшейся у самого Аксельрода за немалый срок его глубоких раздумий — эту прерогативу он не отдает никому, но щедро делится плодами своих умопостроений:

Мы прочитаны как книга.
Вьют спирали ДНК
генетическое иго,
переплётная тоска.

Всё расписано до буквы,
каждый жест и каждый стон.
Мы ничем не лучше брюквы
в этом мире хромосом.

(С. 2)

Эти двое, уверовав в собственную безнаказанность, решили, что их хозяин сам по себе являет собой типичный образ человека, и сами, не будучи людьми в обычном смысле слова, судят о человечестве по тому, что не может им не сообщить доверчивый Аксельрод. Не исключено, что Ванталов и Констриктор никогда не видели никого иного, кроме своего домовладельца (да они и домоседы), и потому нередко переносят его черты — внешности, биографии, состояний — в свои произведения. Аксельрод для них как божество. И зеркалами они пользоваться не умеют, да им и нельзя.

Конечно, в этой странно сложившейся истории хозяин Аксельрод ведет себя крайне снисходительно к выходкам своих сателлитов. Вдобавок он их кормит и обеспечивает всем необходимым для жизни. Да и какая жизнь у этих двоих — Ванталова и Констриктора! Знай себе пиши, рисуй, проектируй, фантазируй, проецируй свои видения на те экраны, которые им предоставляет Аксельрод. Так что они у него на полном обеспечении и вроде бы ни в чем не нуждаются... Кроме новых открытий в области умозрений, кроме новых слов и впечатлений, кроме теплого жилья и доброго самочувствия, кроме...

Не знаю, вправе ли Аксельрод вполне рассчитывать на обладание авторскими правами на все то, что сотворено его подопечными. Если я и был свидетелем прецедентов, ставящих его перед каким-то выбором в этом отношении, то могу сказать: Борис Михайлович стеснен этими внешними обстоятельствами, отчасти из скромности не желая посвящать окружающих в тайны своей внутренней жизни; можно сказать, что так он щадит окружающих, принимая на себя весь груз той безответственности, которую порождают его молодцы. Даже так: Аксельрод, оставаясь индивидуалистом, очень ценит чувство локтя, основу слова «мы», и потому ему просто необходимо присутствие, пусть и незримое, его напарников в мире бывания. В конце концов, он знает относительность многих вещей, которые нам, простым наблюдателям, кажутся бесспорными и устойчивыми.

Палимпсест

Вечно скоблим и пишем.
Пишем, потом скоблим.
Пылью папируса дышим.
Пишем, скоблим, скорбим.

Мировоззрений скука.
Трагический палимпсест.
Веру съела наука.
Кто же науку съест?

(С. 16)

Однако меня так и подмывает вообразить, какими будут произведения Аксельрода, когда он, отказавшись от услуг своих слуг, станет сам писать и рисовать — без основ просодии, освоенных Ванталовым, и без поставленной руки, чем обладает Констриктор. Нельзя исключить, что нас тогда могут ждать или крайне корявые стихи и рисунки, но содержащие мысли не в передаче адептов, или же невероятно ясные классически-чеканные строки и визуальные прозрения.

Во всяком случае, здесь я попытался изложить свои представления о внутренней жизни человека, подарившего мне книгу «Петарды» — книгу, существующую в единственном экземпляре (во всяком случае, пока). Я сказал: «внутренней», — но это не совсем точно, вернее совсем не точно; правильнее было бы назвать эту жизнь «овнутряющей», то есть становящейся все более и более глубокой, глубинной. Недаром год назад, когда пандемия была еще не прошлогодним снегом на голову, он подарил свои неутешительные мысли Б. Ванталову для стихотворного цикла, в котором ясно сказано:

Стали люди Робинзонами.
Затаились все в домах²;

или:

Рухнет старая община...³

То есть он увидел в охвативших весь мир болезни и страхе кем-то подсказанный или посланный способ разъединить людей и предоставить каждого своему собственному помешательству. Конечно, на опыте он догадывается, что человеку вообще не выдержать такой изолированности, особенно вынужденной, продиктованной извне. Пока еще существующего «вне».

Итак, «Петарды». Рисунки, сделанные Констриктором, которые я стал рассматривать прежде всего, поражают своей техникой. Это доверие произволу пламени спички, проводимой под расположенным горизонтально листом. Оставленные разводы дыма — «задымления», по словам автора, — потом ху-

2 Цит. по изданию: *Ванталов Б. Заложник нуля (Пандемия) / Vantalov B. Rehenes de cero (Pandemia). Versión española e ilustraciones: Milagrosa Romero Samper. Publicación de la Asociación Mitosemiótica. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante; Achevé d'imprimerie dans l'atelier de la Rue des Artistes, 2020. Без пагинации. Стихотворение 3 «Хрень».*

3 Там же. Стихотворение 6 «Не летают самолёты...».

дожник актуализирует, объективирует, придает им узнаваемые черты, проводя тонкие и почти произвольные линии по этим желтовато-серым пятнам. Не так ли и мы выискиваем в кучевых облаках фигуры животных и фантастические абрисы? Затем поэт Ванталов, сообразуясь со сделанным его подельником, переписал свои стихи, которые гадательно могут соответствовать или не соответствовать находящемуся рядом изображению. Но они будят фантазию и ассоциативную память...

Дело в том, что художник Констриктор работает, как правило, с человекообразными формами — телами, лицами, претерпевающими всевозможно-невозможные трансформации, тогда как поэт Ванталов следит за метаморфозами ума или человеческого «я». Потому и интересно смотреть на их работу в тандеме: ведь и телесность у Констриктора вызывает к сверхчувственному, умозрительному, и интеллигибельное у Ванталова требует каких-то реальных проявлений, явлений. Вот и получается нечто обратное тяни-толкая: участники этого перетягивания каната совершают не противонаправленные движения, а ведущие к точке, которая вроде бы находится между ними, разделяет их. Но сопротивление, которое они при этом должны преодолевать, едва ли не больше, чем если бы они шли по пути тяни-толкая.

Восстание

Неслышный бунт затеял инсургент.
Его молчание тотально.
Он тишины эквивалент.
Немая тайна.

Здесь отрицают всё и вся.
Лампада рацию померкла.
Лолита убежала — я.
Еда простая — горстка пепла.

(С. 1)

Интуит-художник и интуит-поэт смотрят друг на друга: первый с неба, другой из глубины отчаявшегося мозга, всякое действие которого обращается против него самого. Такая инсценировка суда, Суда. Делается ли страшно? — Делается. Но изощренность поэта, прекрасно сознающего, что пользуется он общепонятными словами, заключается в том, что он обыгрывает саму банальность. И выходит страх банальным, жизнь банальной... Не банален дух и его возможный опыт. Но он дается тем, кто согласился, что стул из-под него будет вышиблен. Кто согласился на парение в безвоздушном пространстве бессмыслицы — в пространстве постоянной облачности, которая то одно, то другое; то это, то то; то все, то ничто. Тут дело риска, и глаза, и чувства.

На последней странице обложки книги «Петарды» — на синем глянцевом фоне тетради — белой краской («корректор» для машинописи) изображен человек. В нем узнается Б.М. Аксельрод (помните? фирменный знак Ванталова и Констриктора!). Он смотрит на звезды, которыми и окружен. Может, это «звезды бессмыслицы»? Или взрывающиеся петарды, случайно вылетевшие из его головы, из его мозга? Да и не одно ли и то же — эти звезды и эти всполохи внутренней жизни? К тому же мы привыкли, что петарды — это громкий

атрибут новогодних гуляний, когда всем весело, и забыли, что раньше это было орудие смерти.

А на оборотной стороне, где еще книга не закончилась и в качестве ее завершения и выхода из нее, — рисунок в характерной для «В.К.» (б. констриктор) технике, обрамленный стихами, которые расположены и вертикально, и горизонтально, так что сама книга вынуждена прийти в движение:

ПРЫГАЙ В НЕБО ИЗ СЕБЯ
ПРЫГАЙ В НЕБО БРОСИВ Я
ПРЫГАЙ В НЕБО НЕ СКОРБЯ
ЧЕМ ТЫ ХУЖЕ ВОРОБЬЯ

Но я держу эту книгу в руках. Книга хранит труд и жар сделавших ее мастеров — художника, балансирующего на меже абстракции и гротеска, и поэта-лирика, сдерживающего пророчества.